

Влад Колчин

Влад Колчин

Музыка как шанс

**победить рассеянный
склероз**

Издательство АСТ
Москва 2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К 61

Колчин, Влад.

К 61 Музыка как шанс. Победить рассеянный склероз / Влад Колчин. – Москва : Издательство АСТ, 2016. – 256 с.: ил. – (Звезда Рунета).

ISBN 978-5-17-094133-9.

Нашу жизнь многое определяет: детские травмы, как физические, так и психологические, наши увлечения, хобби. Это история о том, как музыка спасла известного музыканта, Влада Колчина, которому поставили диагноз рассеянный склероз. Украденный велосипед, невыученные марши в армейском оркестре, выступления в местном кабаке Уфы на пару с второкурсницей Земфирой, белый рояль Дмитрия Гайворонского, списанные конспекты у Тани Долгополовой, знакомство с Джерри Кимом, прогрессирующая болезнь, диагноз, слепота и невероятная утомляемость, запись на студии «ДДТ», одобренный кредит на лечение, спасительный лес, трансплантация костного мозга и много, очень много музыки...

История на 24 тональности. История о желании жить и творить, и о том, что второе рождает первое.

Книга «Музыка как шанс» – это стечение обстоятельств под аккомпанировку саксофона, это удивительная история о том, что диагноз – это не приговор

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-094133-9.

© Влад Колчин, текст
© ООО «Издательство АСТ»

Здравствуй, Человек!

В этой книжке 24 главы — эссе. В аккурат по числу тональностей случайно совпало.

Но речь пойдет не о тональностях. Это сложно, особенно для человека далекого от музыки. А о том, что как раз все может быть проще, чем кажется. Да, пожалуй о том.

И еще — об этом...

Потому что без этого вообще ничего не бывает. Ну-у-у, скажешь, напустил туману!

А я пропущу мимо ушей и продолжу: если без этого ничего не бывает, то и тумана без этого не бывает, и меня, и тебя, и сказать нечего. Да и некому.

Сколько себя в сознании помню, про это и в прозе, и в стихах, но особенно пошло в песнях, получается. А без этого ничего не получается вовсе.

Ну вот, собственно, ты и догадался о чем книжка. Да-да, об этом. Других-то тем нет.

А представь, что ты не нужен. Нет, не ты, как цельная, состоявшаяся личность, с большой буквы «Я», такое как раз часто бывает, тебе просто об этом не говорят. А ты, как тот, в смешной шапке, которая над школьным ранцем торчит, если твой вид сзади рассматривать. Представь, что он не нужен.

Он сегодня пятерку получил по предмету, по которому ему и тройка — праздник. Где-то выучил или узнал случайно и теперь домой спешит, рассказать, весь радостный — полностью! Еще и на «АБВГДейку» успевает по телевизору!

Вот он не нужен. Ему не так просто сказали, ему так сегодня сделали. И вчера. И после. И всегда.

Но книжка не о том, к счастью, а об этом.

Об этом уже романтические подростки посопливали, мудрые женщины потерпели, молчаливые мужчины поделали, а значит, и мне это слово совсем не обязательно произносить.

А когда будешь уходить — закрой поплотнее дверь. Только свет за собой оставь, не выключай.

1. Не мы такие, жизнь такая, вертеться надо. (С)

«Все относительно... А, Эйнштейн?»

...И вырваться из этого состояния невозможно. Все как тогда, когда я шел из парка Гагарина, и слезы лились ручьем. Ужас произошедшего как будто сковал голосовые связки ребенка, и я, задыхаясь от понимания своего горя, в рав-

нодушной тишине хватал ртом воздух, как рыба, выброшенная на берег.

Мне было шесть лет. Случилось то, о чем предостерегала моя бабушка:

— Владик, не езди в парк, лисапет отымут.

Так и произошло. Этот кошмар еще долго по утрам посещал меня в момент пробуждения, до открытия глаз. В минуты пограничного состояния сознания — между сном и реальным миром. И теперь я знаю — где-то на метафизическом уровне болезнь началась тогда.

Мы жили в Стерлитамаке. В маленьком уютном, хоть и загазованном промышленном городке. Куда бы я ни попадал, я чувствовал любовь людей, которые были рядом. Много людей, и все меня любили: бабушка, пекущая блины и сладкие пирожки с морковкой, большая веселая семья, дед с пчелами, смешно разъясняющий физиологические отличия между мальчиками и девочками своему малолетнему внуку, собаки во дворе, охраняющие меня, — первые друзья. Сейчас это представляется таким трогательным...

Я рано научился кататься на двухколесном велосипе. Родственники подарили мне велосипед

очень редкой модели — «Подросток». Он считался женским, поскольку у него не было перекладки посередине рамы, как у мужских «Подростков», и я мог на нем ездить, несмотря на мой маленький рост. Помню, как вскарабкиваясь на него, я часто бубнил себе под нос две какие-то выдуманные песенки. Первая — понятная всем окружающим, пионерская, патриотическая. Подобные песни звучали каждое утро по радио. А вторая — странная, совершенно не понятная никому и даже мне. Эта вторая, была заграничная, и она исполнялась на тарабарском языке. Такие песни наверняка пели в других, далеких, неизвестных мне странах, о существовании которых я мог только догадываться. С этим незамысловатым, но разнообразным репертуаром я использовал каждую свободную минуту, чтобы залезть на велосипед, и был этим счастлив.

Они были намного старше. Я сам отдал велосипед, когда попросили «покататься». Нет, испугаться не успел тогда. Какой-то мальчишка мелкий, чуть старше меня, крутился рядом, пытался помешать им, кричал : «Не давай, он угонит!» А его отталкивали взрослые. Где теперь этот светлый мальчик?

По наивности и растерянности детской велосипед отдал им. Страх не знал тогда еще. Теперь знаю, но уже не страшно. Устал от него. Улыбаюсь. Кажется велосипед тот, отнятый, намного ценнее сейчас, чем жизнь. Потому что знаю — умереть — не самое страшное в жизни, а в страхах важен градус.

Что такое страх умереть перед страхом стать растением? Превратиться в биологический организм, из-под которого достают горшки, кормят из ложечки и выносят «гулять» на балкон как кактус...

Видеть, как от тебя уходят самые близкие, и всем не по тому, что они черствые и равнодушные, а как раз наоборот — потому что в силу своей душевной близости к тебе, но невозможности помочь, от осознания своего бессилия в течение долгих лет, которое будет разрушать их, они предпочтут о тебе не думать.

И вот лежу я теперь в стеклянном боксе со шлангами в туловище и думаю себе: «А действительно ли от меня зависит принятие судьбоносных решений?» И «да», и «нет». Бояться бесполезно. Да — вчера я своей рукой подписал согласие на трансплантацию костного мозга. Вызов, который я принял? Пожалуй — нет.

Этим врачам, почему-то верил. Хотел верить. Несмотря на то, что уже посмотрелся на человеческие пороки в белых халатах. Больные тяжелыми заболеваниями — это такие же Владики с велосипедами, а продавцы от медицины представляются теперь обычными гопниками.

Что они продают под видом дорогих лекарств, которые не лечат? Свою душу? Забавно. За наш счет. Видно, важные мы люди, раз некоторые даже душу свою без нас продать не могут. «Жизнь такая, вертеться надо»? Расскажите мне, какая у вас «такая жизнь». Обиды нет у меня. Да и не о том моя история.

2. Уфа. (Am)

*«Как только закончили нашить,
сразу — встречайте!»*

Мы переехали из Стерлитамака в Уфу, когда мне было восемь. Отцу пришлось бросить музыку и поступить на государственную службу в МВД, поскольку на деньги, зарабатываемые игрой на баяне, прокормить семью было невозможно.

Жили мы рядом с его службой — больницей для заключенных, в коммунальном бараке с сумасшедшей соседкой преклонных лет, в двух комнатах площадью двадцать один квадратный метр с печкой, без горячей воды, на первом этаже, где вскоре родилась моя сестра.

Соседи наши были преимущественно люди хорошие, но в массе своей со слабостью к алкоголю.

Слабость эта была так сильна в них, что никак не давала нашему участковому капитану милиции забывать о существовании этой слабости у жильцов вверенного ему дома.

Не по этой причине он застрелился. Он застрелился, оттого что он, честный мент, не смог пережить позора, когда его сына посадили в тюрьму за торговлю наркотиками. Вообще, честные и порядочные люди в то время становились все больше не в чести.

Иногда, когда соседская слабость набирала предельную силу, отец, руководствуясь народной мудростью «С волками жить — по-волчьи выть», выпивал водки и выходил на тропу войны с человеческими слабостями и пороками, уча соседей хорошим манерам посредством выхода из себя. В гневе папа был не похож на Белоснежку в крайней степени.

Не то что бы беготня с топором по двору за соседями с целью прививания им хороших манер была доброй традицией, но необходимой профилактикой назойливости — несомненно.

Безумная соседка по коммунальной квартире писала на нас жалобы в милицию о том, как мы залазили в ее обвязанный веревками холодильник с целью похищать по сорок пачек чая за каждую вылазку, взамен подсыпая отраву в ее кефир. Бутылки из-под кефира бабушка по имени Мархаба периодически носила на экспертизы, что не препятствовало ей продолжать завязывать морские узлы на холодильнике, обеспечивая свою продовольственную безопасность. Мы часто встречались с нашим участковым на тем: «Для чего нам столько чая и чем нам помешала бабушка». Вскоре выяснилось, что Мархаба давно уже наблюдалась у районного психиатра, и мы вздохнули с облегчением.

Ничто не могло потревожить наш уютный, размеренный быт. Может только изредка я просыпался ночами, разбуженный унылым пением строевой песни курсантов школы младших сержантов, располагавшейся через дорогу от нашего дома. Самая громкая строчка их унылой песни звучала так: «Когда поют солдаты, спокойно дети спят». Я чувствовал себя счастливым, а благодаря сонному пению солдат, надежно защищенным.